

Вещий сон генерала Корнилова. Над страницами «Тихого Дона»

Category: Edebi makalalar, Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025

Вещий сон генерала Корнилова. Над страницами «Тихого Дона»

ВЕЩИЙ СОН ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА. НАД СТРАНИЦАМИ "ТИХОГО ДОНА"

Роман века «Тихий Дон» Михаила Александровича Шолохова во многих мере и до сих пор, как это ни странно, остается не вполне прочитанным. Вместо его прочтения была устроена долгая, начавшаяся еще при жизни писателя, постыдная полемика об «авторстве», которая, как понятно, не приближала нас к духовному смыслу романа. И вот теперь когда те, кто создавал и поддерживал эту «полемику», наконец-то посрамлены, ибо рукопись романа найдена, обнажился весь смысл этой полемики: не допустить в общественное сознание того, что изображено в «Тихом Доне»... И прежде всего – механику гражданской войны, ее истоки и причины, исторический путь народа...

Может быть, только теперь и предстоит истинное прочтение «Тихого Дона». Ну странно же в самом деле, что один из центральных образов романа – сон генерала Корнилова остался по сути просмотренным литературоведами...

На это место во второй книге «Тихого Дона» Михаила Шолохова я обратил внимание еще в то время, когда шла таинственная и загадочная афганская война, смысл и значение которой, казалось, не могли вразумительно и внятно объяснить даже те люди, кто ее организовывал и вел, кто принимал решения. Наивно же было объяснить ее распространением коммунистической идеологии, уже давно обветшавшей в самом Союзе. От идеи мировой коммунистической революции, как известно, давно отказались даже неистовые первореволюционеры. Неужто теперь ее претворяли в жизнь их довольно далекие последователи? Да и не были они уже их последователями...

Тогда это странное место «Тихого Дона» поражало главным

образом соотносённостью с нашим временем, тем, что эта война как бы оказалась предсказанной в романе, созданном задолго до нее... Ведь было действительно удивительным и даже непостижимым – зачем и почему автор «Тихого Дона» изображал сон генерала Корнилова об Афганистане... В этом предчувствовалось какое-то мистическое пророчество.

Однако сны в русской литературе – явление не исключительное, а довольно частое и, можно сказать, обыденное, начиная с «мутного сна Святослава» в «Слове о полку Игореве». Хуже было с толкованием, объяснением этих литературных снов. Тут свирепо насаждаемая, а потом и укоренившаяся привычка вульгарно-социологического, позитивистского толка видеть в художественной литературе «саму жизнь», а не проявление духовной природы человека зачастую не давала возможности проникнуть в сферу бессознательного, сознательно творимого художником. Смее утверждать, что даже «мутен сон Святослава» в «Слове о полку Игореве» так до сих пор и остается без убедительного объяснения не как сон вообще, а в его взаимосвязи с тем, о чем говорится в поэме. Толкование сна Святослава в «Слове» я предложил в книге «В поисках града Тмутаракани» (Невостребованные размышления о русской литературе и жизни), вышедшей в издательстве Московского государственного университета (М., 2000г.)

До сна ли было в столь странных обстоятельствах. Сон генерала Корнилова в романе, кажется, и вовсе не заметили, просмотрели. Да и понятно, коль объяснение величайшего творения русской литературы нашего времени во многом свелось к окололитературному шулерству, то есть – к невообразимым «спорам» об авторстве романа, а не к толкованию его тайн. А тайны в романе есть. Одна из них – сон генерала Корнилова.

Ладно, устанавливали бы авторство те, кто в нем «сомневается», но ведь этот беспричинный, навязанный спор по сути затмил понимание текста, во многом подменил его... Патриотическая писательская рать бросилась опровергать эту чушь, точнее лукаво запущенную ложь. И в таком случае до текста ли самого романа...

Одни, не без умысла «сомневались», как, к примеру,

А. Солженицын, напутствовавший не книгу даже, а так – конспект «Стремя «Тихого Дона», другие опровергали явную чушь. И только совсем немногие читали сам текст романа...

Но вот наконец-то стараниями Льва Колодного найдена рукопись романа, бесспорно установлено ее авторство, вышли об этом книги журналиста. Вопрос исчерпан. «Проблемы» авторства больше нет. Что дальше? Сделаем вид, что ничего особенного и не было?! Но разве не было этого столь долгого и натужного «спора» в помоях которого, оказалось, по сути, потопленным главное – прочтение самого романа, проникновение в суть изображаемого...

Как и во времена «Тихого Дона» междоусобная распря и ее механика вовсе ведь не стали для нас страницей миновавшей истории, тяжелой, трагической, но миновавшей... Они, изменяя формы, как очевидно, все еще продолжают. Жестокий оскал гражданской войны уже стал реальностью и даже обыденностью. Жертвы ее после распада Союза исчисляются уже сотнями тысяч... Война уже идет, а степень преднамеренной и рукотворной противопоставленности людей по признакам мировоззренческим и идеологическим достигла такого накала, что, если и далее она будет умышленно поддерживаться, это не может, в конце концов, не вылиться в новую масштабную междоусобицу.

И уж если говорить о причинах междоусобицы, ее природе, то можно уверенно сказать, что она общественным сознанием осталась, по сути, не постигнутой, хотя «Тихий Дон» для уяснения ее дает богатую пищу. К примеру, поразителен эпизод в романе, когда Мишка Кошевой, нацепив «звезду», то есть, по сути приняв «иную веру», вдруг стал с какой-то необъяснимой злостью стрелять из винтовки по скотине: «Рубил безжалостно! И не только рубил, но красного кочета пускал под крыши куреней в брошенных повстанцами хуторах. А когда, ломая плетни горящих базов, на проулки с ревом выбегали обезумевшие от страха быки и коровы, Мишка в упор расстреливал их из винтовок».

Казалось бы, скотина-то здесь при чем... Нет, оказывается, Мишка, проявляя столь непонятное изуверство и жестокость, действовал вовсе не произвольно, а согласно вполне определенному ветхозаветному «учению», согласно вполне

определенной мировоззренческой заданности Ветхого завета: «И истреби все, что у него, и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа и жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла» (Первая Книга Царств, 15,3).

О том, что именно такой смысл имеет этот эпизод и что роман вообще пронизан библейскими представлениями, свидетельствуют слова деда Гришаки, обращенные к Григорию: «Это не про наши смутные времена Библия гласит?»...

Только самые наивные из современников наших все еще верят декларациям о том, что Россия наконец-то освободилась от того безжалостного идеологического спрута, который вот уже около века терзает ее. Если освободилась, то какой тогда силой совершенно новое разрушение государства, экономическое и духовное падение?

Целые поколения не прочитали внимательно «Тихого Дона», питаюсь пустой мякиной споров об «авторстве» романа, так и не поняли апокалиптического смысла той трагедии, которая на нас обрушилась и которая в нем изображена. А стало быть, не выработали в себе защиты против нового бедствия, невидимого нашествия, против «беса полуденного», не различили добра и зла, вновь не устояли в брани духовной, попавшись на самые примитивные идеологические заморочки...

Я обращаю внимание читателей на одно место из второй книги «Тихого Дона» – сон генерала Корнилова. Поскольку этот сон литературный, он имеет как понятно, значение главным образом мировоззренческое и эстетическое, а не биографическое. Хотя и к биографии Корнилова он имеет отношение. Вполне возможно, что нечто подобное могло присниться генералу Корнилову и каким-то образом стать известным автору романа. Но сон этот в первую очередь нам интересен тем, какое значение он имеет в «Тихом Доне». Ведь могло быть и так, а скорее так и было, что сон этот просто сочинен автором.

Как известно, основной особенностью литературного сна является то, что он иносказателен, что в нем в образной форме выражаются переживания человека, дается его оценка или представляется значение происходящих событий. И в этом смысле сон очень близок образной природе литературы. Потому, видно,

сны столь часто в ней и встречаются. Но сон вовсе не повторяет жизненную ситуацию, как этому учат бульварные сонники. Здесь иная закономерность, о которой можно сказать стихами К.Бальмонта: «Он с жизнью был несходен, Но с жизнью сопряжен». Обращаясь к изображению сна, автор, конечно же, разрешает какую-то свою эстетическую и мировоззренческую задачу, передать которую иными средствами он не может. То есть то, что изображается с помощью сна, в какой-то иной форме более в тексте не повторяется, не дублируется декларативно, но так или иначе связано со смыслом и значением постигаемого в произведении. А потому можно с уверенностью сказать, что сон является ключевым местом для понимания произведения в целом. Ничего не значащим, «лишним» в тексте художественном он быть не может, тем более в таком произведении, как «Тихий Дон».

На первый взгляд сон, о котором рассказывает генерал Корнилов в тексте романа, сюжетно немотивирован, даже вроде бы неуместен. А та ситуация, в которой он рассказывается, как бы и вовсе менее всего располагает к этому.

Итак, когда Корнилову стало абсолютно ясно, что «дело вооруженного переворота погибло», он делится столь печальным положением с генералом Романовским. Тот, пытаясь, то ли успокоить главнокомандующего, то ли действительно веря, что не все еще потеряно, отвечает ему: «По-моему Лавр Георгиевич, пока у нас нет еще оснований быть пессимистически настроенными. Вы неудачно предвосхищаете ход событий...» Между тем Корнилов занят тем, что и вовсе вроде бы не имеет никакого отношения к столь важному, обсуждаемому ими делу: «Суетливо выкидывая руку, пытался поймать порхавшую над ним крохотную лиловую бабочку. Пальцы его сжимались, на лице было слегка напряженное, ожидающее выражение. Бабочка, колеблемая рывками воздуха, спускаясь, планировала крыльями, стремилась к открытому окну. Корнилову все же удалось поймать ее, он облегчающе задышал, откинувшись на спинку кресла».

А Романовский все еще ждет ответа на сказанное им главнокомандующему: «Романовский ждал ответа на свою реплику, но Корнилов, задумчиво и хмуро улыбаясь, стал рассказывать...»

Если «бабочка», по иносказанию, символизирует упорхающую и

трудноуловимую мысль и Корнилов ее все-таки поймал, стало быть, то, что далее он рассказал Романовскому, и есть его ответ на реплику, и есть его оценка сложившейся ситуации, хотя внешне сон этот вроде бы не связан с тем, о чем говорили генералы: «Сегодня я видел сон. Будто я – бригадный командир одной из стрелковых дивизий, веду наступление в Карпатах. Вместе со штабом приезжаем на какую-то ферму. Встречает нас пожилой, нарядно одетый русин. Он потчует меня молоком и снимая войлочную белую шляпу, говорит на чистейшем немецком языке: «Кушай, генерал! Это молоко необычайно целебного свойства». Я будто бы пью и не удивляюсь тому, что русин фамильярно хлопает меня по плечу. Потом мы шли в горах, и уже как будто бы не в Карпатах, а где-то в Афганистане, по какой-то козьей тропе... Да, вот именно козьей тропкой: камни и коричневый щебень сыпались из-под ног, а внизу за ущельем виднелся роскошный южный, облитый белым солнцем ландшафт...»

Очевидно, что этот сон напрямую связан с положением дел на фронте, с той ситуацией, в которую попал Корнилов. И бабочка тут неслучайна и символична.

После этого странного и как бы неуместного сна далее в тексте романа идет вроде бы отвлеченная картина незыблемого русского простора: «Легкий сквозняк шевелил на столе бумаги, тек между распахнутыми створками окна. Затуманенный и далекий взгляд Корнилова бродил где-то за Днепром, по ложбинистым увалам, искромсанным бронзовой прожелтенью луговин». Картина эта, как видно из текста, противопоставлена тому, что изображалось ранее – и сну генерала, и его странному стремлению поймать какую-то бабочку.

Как видим, в данном сне соединены два сюжета: галицийский, европейский – западный, и афганский – восточный, связанные между собой биографией генерала, тем, что он был участником там и там происходивших событий. Можно сказать, что в его судьбе проявилась судьба России, ее извечная, трудная, мучительная участь быть между разными мирами – западным и восточным. Другое дело, удержался ли он в ее пределах или все-таки покорно пошел за новомодными, односторонними веяниями... Причем Восток и Запад в данном случае понятия не буквальные и

уж ни в коей мере не только географическое.

Нельзя не заметить и того, что эти миры, эти цивилизации, сошедшиеся во сне, в сознании героя романа, противопоставлены. Если следовать символике сна, то пить молоко во сне означает радость и благополучие, а видеть во сне каменные горы означает болезнь, страх, препятствие и остановку в делах. Идти дорогой во сне – значит быть в трудах. Узкая же тропа также означает печаль и страх. Таким образом, по символике сна получается, что западный мир для героя благоприятен, а восточный опасен и сопряжен с неудачей. На самом же деле в судьбе генерала Корнилова все было как раз наоборот. Более поздняя головокружительная карьера Корнилова к этому соотношению отношения уже не имеет.

В июне 1916 года в Галиции русская армия мощными атаками, под командованием генерала Брусилова, прорвала австрийский фронт. Противнику были нанесены огромные потери. С точки зрения стратегической все складывалось благоприятно, пока не вмешалась поистине «нечистая сила» в лице Распутина, и наступление было сорвано. Как ни странно и ни печально, но проводницей этого губительного вмешательства стала императрица Александра Федоровна. 8 августа она писала царю, находившемуся в ставке: «Наш друг (то есть Распутин – П.Т.) надеется, что мы не станем подниматься в Карпаты и пытаться их взять, так как, повторяет он, потери будут слишком велики». В письме от 23 августа: «Я думаю, дай опять Брусилову приказ остановить бесполезную бойню». Этим вмешательством царь был поставлен в ситуацию невероятно сложную и мучительную. И как он ни противился, даже писал императрице, что «эти детали совершенно не должны касаться» ее, неблагоприятное для русской армии все-таки было сделано и наступление сорвано.

Западный мир был для Корнилова непривычен и непонятен, хотя по свидетельству П.Краснова, Корнилов «считался революционером» и западником. Может быть, западником он тщетно и натужно хотел быть, так как это было выгодно для карьерного роста. Один из нынешних историков (А.Козлов), к примеру, не без основания пишет, что он «Европу не любил и лучше чувствовал себя среди азиатов» (Деникин А.И. «Поход и смерть генерала Корнилова».

Ростов-на-Дону, 1989). Служба на Западе у него явно не заладилась, удача оставила его. С начала первой мировой войны – он на фронте в качестве командира дивизии. Здесь его преследуют одни несчастья. То его дивизия попала в окружение, из которого едва вырвалась, потеряв около двух тысяч пленными. В конце апреля 1915 года его дивизия вновь попадает в окружение, в результате чего три с половиной тысячи солдат попали в плен. Оказался в плену и сам Корнилов...

Значительная же часть его предшествующей службы прошла в Средней Азии и на Востоке. Сразу же после окончания Михайловского артиллерийского училища он в 1892 году был направлен поручиком в Туркестанскую артиллерийскую бригаду. Долгие годы он был удачливым разведчиком, тайно выезжая в соседние страны, среди которых Афганистан, где усиливалось английское влияние, занимал особое место. Опубликованная в «Московском журнале» (№11 1995 г.) статья Б.Белоголового «Кашгарские письма Лавра Корнилова» убедительно показывает по сути неизвестный период службы Корнилова в качестве разведчика. Он тайно ходил в афганский Мазари-Шериф, собирая разведданные. С восхищением писал об афганцах: «Народ молодой не старше 20-30 лет, рослый и коренастый, все они производят приятное впечатление своим бравым, молодецкатым видом и выправкой, которая была заметна и несмотря на их далеко не военный костюм».

Попутно отмечу, что как наше давнее влияние в Афганистане, так и недавнее присутствие там вовсе не укладывается в ту политическую, демагогическую риторику, которой был подменен смысл войны. Справедливо пишет Б.Белоголовый, что «об имперских захватах России в Азии говорилось премного и тогда, и позднее, и в наши перестроечные дни разговоры такие опять модны. Послушать: «Европейские державы и явились-то в Азию единственно во имя справедливости, остановить колонизацию Россией беззащитных азиатских народов. И Англия-то в свое время заняла Индию, чтобы предупредить русское варварское вторжение!...»

Печально и обидно, что явная политическая демагогия об имперских устремлениях России и о ее якобы намерении насадить

коммунизм в другие страны, который ей навязал тот же Запад, все-таки восторжествовала, принеся такие жертвы, продолжившись войной уже в родных пределах, конец которой угадывается смутно...

Теперь ясно и то, что этой афганской войне была уготована та же миссия, что и предшествующим войнам, когда после внешней войны в самой России начиналась революционная смута. Так было и после русско-японской войны, так было и после первой мировой. Так, по сути, случилось и после нынешней афганской. Эта война продолжилась уже внутри страны. А то, что по России на обелисках списки «афганцев» пополняются жертвами войны чеченской, только подчеркивает зловещий смысл афганской войны... После Афганистана в судьбе генерала Корнилова была русско-японская война, в которой он за отличие награжден Георгиевским крестом. С 1909 по 1911 год он состоял российским военным агентом в Китае. Выслужив генеральский чин, командовал 2-м отрядом Заамурского пограничного округа в Харбине. Первую мировую войну встретил во Владивостоке командующим 1-й бригады 9-й стрелковой дивизии... Словом, Восток для Корнилова был привычен и понятен. Там все у него складывалось удачно. Совсем иначе все было, как видим, на Западе, на фронтах мировой войны.

Но вернемся к роману «Тихий Дон», ко сну генерала Корнилова. Нет никаких сомнений в том, что в этом сне сопоставлены разные миропонимания – восточное и западное. Некоторая странность этого сна состоит в том, что для военачальника он был бы более уместен перед сражением, как знамение и предсказание на возможный ход событий. Здесь же сон появляется тогда, когда все уже проиграно. Но, как думается, таким своим положением сон и указывает на то, что Корнилову еще предстоит долгий и тернистый путь. Как потом и оказалось, до самого Екатеринодара, когда генерал был убит шальным снарядом, залетевшим в хату, где находился его штаб. Впрочем, об этом предстоящем ему пути говорится и в тексте романа: «Бесславно закончилось ущемленное корниловское движение. Закончилось, породив новое». Но и новое движение, как известно, потерпело поражение.

Полное отчаяние и безнадежность. Известно намерение Корнилова застрелиться, если Екатеринодар не будет взят. Но судьба послала ему щадящую, героическую смерть в бою, что само по себе побуждало представлять значение его личности несколько в ином свете. По-человечески понятное сочувствие и сострадание как бы заслонило ту роль, которую он играл в происходивших событиях.

Надо помнить и о том, что «Корниловский мятеж» в полном смысле слова мятежом не был. В романе он так и оценен. «Черной паутиной» раскинувшиеся «нити большого заговора» – это не о Корнилове, не о его попытке спасти положение и не дать прорваться хаосу, чреватому немыслимыми жертвами. И, как говорится в тексте романа, «кашу заварили», отказавшись повиноваться Корнилову, казаки. Выражение же «заварить кашку» в русской литературе имеет однозначный смысл – посеять губительный революционный хаос...

Обстоятельства же, в которых рассказывается сон (какая-то вроде бы и вовсе неуместная бабочка), можно понять и так, что автор уподобляет своего героя этой безвольной бабочке, которой управляет сила обстоятельств. Ведь Корнилов, прежде чем стать лидером Белого движения, немало поблудил по политическим дебрям, немало способствовал тому критическому положению, в котором страна оказалась: и царскую семью арестовывал, и над внедрением безумного приказа №1, разваливающего армию, поработал, и на сговор шел... Зато быстро рос в чинах...

Знали бы те казаки, которые отказались повиноваться Корнилову, что пройдет не так уж много времени и выйдет директива, по сути, о поголовном уничтожении казачества...

Примечательно, что первоначально М.Шолохов намеревался начать все свое повествование, весь роман именно с мятежа Корнилова, то есть этому событию он придавал значение исключительное, центральное. В автобиографии для журнала «Прожектор» он писал: «Начал первоначально с 1917 года, с похода на Петроград Корнилова. Через год взялся снова...»

Как известно, именно о Корнилове спросил у автора Сталин, когда публикация романа застопорилась в журнале «Октябрь»: «Почему в романе так мягко изображен генерал Корнилов? Надо бы

его образ ужесточить». Вместе с тем Шолохов защищает Корнилова, приводя как аргумент то, что тот бежал из плена. Это само по себе уже говорит о том, что здесь находится главный мировоззренческий узел времени. А потому тем более мы должны внимательнее всмотреться в то, как Михаил Шолохов изображал генерала Корнилова в «Тихом Доне».

Приведу ответ Шолохова Сталину во время их встречи на даче у Горького в 1931 году: «Субъективно он был генералом храбрым, отличившимся на австрийском фронте. В бою он был ранен, захвачен в плен. Затем бежал из плена, значит, любил Родину, руководствовался кодексом офицерской чести... Вот художественная правда образа и продиктовала мне показать его таким, каков он и есть в романе».

Конечно, историческая личность и персонаж романа – не одно и то же. В «Войне и мире» Л.Толстого карикатурный Наполеон и вовсе не имеет ничего общего с исторической личностью, что убедительно показал Д.Мережковский в работе «Л.Толстой и Достоевский» (М., издательство «Республика», 1995). Но Михаил Шолохов работал в той традиции русской литературы, идущей от «Слова о полку Игореве», когда историческое и художественное, если и не совпадало, то не противоречило друг другу.

Бабочка же, летящая на огонь – обычная и довольно распространенная в русской литературе метафора и прочитывается она, пожалуй, однозначно: губительная неумолимость обстоятельств, в которую попадает человек.

В «Преступлении и наказании» Ф.Достоевского есть очень сходная картина. Там следователь Порфирий рассказывает о Родионе Раскольникове: «Он по закону природы от меня не убежит, хотя бы даже и было куда бежать. Видали бабочку перед свечкой? Ну, так вот он все будет, все будет около меня, как около свечки, кружиться; свобода не мила станет, станет задумываться, запутываться, сам себя кругом запутает, как в сетях, затревожит себя насмерть!.. И все будет, все будет около меня же круги давать, все суживая и суживая радиус, – и- хлоп! Прямо мне в рот и влетит, я его и проглочу-с, а это уж очень приятно, хе-хе-хе! Вы не верите?»

Из этой образной картины, сопоставленной с картиной в «Тихом

Доне», следует, кажется, единственный вывод: Корнилов несвободен с своих действиях, подневолен и зависим. От каких сил и обстоятельств он зависит, об этом в романе не говорится, да и не должно прямо декларироваться. Но то, что писатель прибегает именно к такому образу, свидетельствует о несамостоятельности, подневольности и зависимости Корнилова.

Не потому ли замыслив роман о корниловском мятеже, писатель отказался от первоначального замысла. Ведь Григорий Мелехов в отличие от Корнилова, несмотря на все обстоятельства, исполняет все-таки не чью-то, а свою волю, остается самим собой, олицетворяя путь народа. Здесь социальное положение личности, ее положение в служебной иерархии для художника не столь важно. Главное – характер личности, сумевшей или не сумевшей, несмотря на обстоятельства, оставаться свободной, быть в конце концов исполнительницей своей, а не чужой воли... В этом отношении Корнилов оказался для Шолохова не то что неинтересен, а вполне ясным, о чем он и дает знать, сравнивая его с бабочкой, слепо и покорно летящей на огонь лампы...

Подобный же образ есть и в «Казаках» Л.Толстого. Но здесь, как и во многом у этого «великого писателя», тенденциозная мысль преобладает над естественным жизненным положением. Вот эта картина: «Очнувшись, Ерошка поднял голову и начал пристально всматриваться в ночных бабочек, которые вились над колыхавшимся огнем свечи и попадали в него.

– Дура, дура! – заговорил он. – Куда летишь? Дура! Дура! – Он приподнялся и своими толстыми пальцами стал отгонять бабочек.

– Сгоришь, дурочка, вот сюда лети, места много, – приговаривал он нежным голосом, стараясь своими толстыми пальцами учтиво поймать ее за крылышки и выпустить».

Здесь с бабочками сравнивается не Ерошка, а Лукашка. О нем так же, как и о бабочках отзывается дед Ерошка: «Это знаешь кто поет? – сказал старик очнувшись. – Это Лукашка – джигит. Он чеченца убил; то-то и радуется. И чему радуется? Дурак, дурак!»

Как видим, образ бабочек, летящих на огонь в русской литературе не самоцелен. Не в бабочках же самих по себе дело. Он служит для изображения какой-то человеческой ситуации.

Л.Толстому же этот образ понадобился лишь для изображения «природности» деда Ерошки, как якобы высшего проявления его народности. На самом же деле этот толстовский социал-дарвинизм никакого отношения к народности не имеет. Да и странно видеть казака-старовера неким чуть ли не революционером и атеистом, которому все едино... Как понятно, это скорее представление, довольно упрощенное, самого Л.Толстого о староверах, чем действительное постижение их самосознания. Я уж не говорю о проповеди «гуманизма», который во время войны неуместен, как правило спекулятивен и чреват большим кровопролитием...

Как это ни странно, смысл и значение революционных событий и гражданской войны в России и до сих пор, более чем восемьдесят лет спустя, в общественном сознании остаются неясненными. И вовсе не случайно, так как от их понимания зависит наша дальнейшая народная и государственная судьба. Так и до сих пор старательно поддерживается миф о том, что Белое движение якобы стремилось восстановить монархию и боролось за вековую Россию, в то время как все его лидеры были либералами и республиканцами, монархию как раз свергали, имели большие «революционные заслуги» и являлись героями Февраля...

Когда писатель Виктор Лихоносов в документальном рассказе «Внуку генерала Корнилова» называет Лавра Корнилова «русским витязем», «витязем земли русской», спасителем России, то в этом, конечно, ничего, кроме непонимания смысла давно миновавшей борьбы не проявляется. Публично он обставляет это как вполне понятный и уместный плач по дореволюционной России, разрушенной революцией и гражданской войной. Хотя писателю было бы более логичным тосковать уже о вновь разрушенной России, в которой он вырос и состоялся как писатель. В отличие, скажем, от И.Бунина. Наш же современный писатель тем самым являет плач не по вековой и традиционной России, а по ее разрушителям в феврале... Безусловно, пора бы уж давно подразобраться в том, что и как происходило в нашей революционной истории. И не столько исторического любопытства ради, сколько потому, что это имеет самое прямое отношение к нашей сегодняшней жизни...

Но какая все-таки неряшливость и небрежность в определении

понятий и характеристик в среде нашего патриотического бомонда. По Станиславу Куняеву выходит по какой-то, только ему известной логике, что, Виктор Лихоносов – монархист... («Наш современник», №11, 1999 г.) Ну если Л.Корнилов у нас «монархист», то тогда, конечно, «монархист» и В.Лихоносов... Непростительная нечуткость и неразборчивость для организатора литературы, каковым Станислав Куняев всегда себя считал...

Головокружительная же карьера Корнилова сама по себе уже говорит о многом. Военный министр в первом составе Временного правительства Гучков вспоминал: «Его служебная карьера была такова: он в боях командовал только дивизией; командование корпусом, откуда я взял его в Петербург, происходило в условиях отсутствия вооруженных столкновений. Поэтому такой скачок до командования фронтом считался недопустимым». И все же Корнилов в самый момент Февральского переворота становится командующим Юго-Западного фронта, а через несколько дней становится Главкомом.

Справедливо писал Вадим Кожинов: «Все будущие вожди Белой армии имели впечатляющие «революционные заслуги». Корнилов 7 марта лично арестовал в Царском Селе Императрицу и детей Николая П... Вожди Белой армии приказывали подчиненным содействовать новому укладу жизни и отнюдь никогда не приказывали к защите старого строя и не шли против общего течения». («Судьба России: вчера, сегодня, завтра»., М., Военное издательство, 1997). И самое важное, о чем писал В.Кожинов: «Борьба Красной и Белой армий вовсе не была борьбой между «новой» и «старой» властями; это была борьба двух «новых» властей – Февральской и Октябрьской».

Конечно, Белое движение постоянно провозглашало, что оно воюет за Россию и за ее коренные интересы. Но одно дело – декларации и совсем другое истинное положение вещей. «Есть все основания утверждать, что в действительности борьба Белой армии определялась – пусть даже, как говорится, в известной мере и степени – интересами Запада». Ну а Запад, как известно, «издавна и традиционно был категорически против самого существования великой мощной и ни от кого не зависящей – России и никак не мог допустить, чтобы в результате победы

Белой армии такая Россия восстановилась». (В.Кожин).

Как видим, истинная картина революционной эпохи и гражданской войны в России, более сложная, более потаенная, чем та, которая постоянно нам представляется и которую, к сожалению, пропагандируют с легкостью необыкновенной и безответственностью многие наши современные писатели, считающие себя патриотами...

Так называемый «мятеж Корнилова», его вроде бы попытка спасти армию и Россию представляет собой исторический казус или, как выражался в то время комиссар Временного правительства на Юго-Западном фронте Б.Савинков – недоразумение. В самом деле, вдруг появляется какой-то странный персонаж истории, который и определяет, вопреки всему, ход событий. Автор книги «Временное правительство, Керенский» Валентин Ерашков писал об этом так: «И тут, как иногда случается в истории, возникло непредвиденное обстоятельство – появление нового действующего лица, бывшего обер-прокурора Синода в однородно буржуазном и первом коалиционном правительстве – Владимира Николаевича Львова (однофамильца министра-председателя).

Сорокалетний Владимир Львов был человеком неуравновешенным, мятушимся. Наивным и невероятно легкомысленным. Некоторые выражали сомнение в его психическом здоровье». (М., «Армада». 1998).

Итак, этот Львов 22 августа добивается приема у Керенского и сообщает ему, что располагает сведениями о заговоре в Ставке. А 24 августа уже объявляется в Могилеве в Ставке, встречается с Корниловым, которому докладывает, что является доверенным лицом Министра-председателя с важной миссией. Из беседы с ним Корнилов понял, что Керенский предлагает ему диктаторские полномочия, на которые он соглашается. Удивительно и странно, что у этого «доверенного лица» с неуравновешенной психикой, Корнилов не потребовал даже документов, подтверждающих его полномочия... На следующий день Львов появляется опять у Керенского, как представитель Верховного главнокомандующего и сообщает тому, что Корнилов... требует диктаторских полномочий. Естественно, что Керенский иначе и не мог понять ситуацию, как то, что военный переворот уже начался и Корнилов собирается

его арестовать.

Можно лишь гадать, какие политические силы уполномочили Львова на эту интригу и провокацию, но совершенно ясно, что она не могла быть лишь его личной инициативой.

Третий кавалерийский корпус генерала А.М.Крымова, двинутый на Петербург, не только не был соответствующим образом подготовлен и напутствован, но не имел и четкой задачи, чему искренне удивлялся генерал П.Краснов. Ведь для такой операции, как он писал, «неизбежно нужна некоторая театральность обстановки». Когда свои сомнения он высказал в штабе, его уверили в том, что все подготовлено и это – лишь прогулка. «Но тогда, – писал далее П.Краснов, – еще менее было понятно, почему же в эту прогулку не пошел сразу с нами Корнилов».

Станный все-таки способ совершать военные перевороты, в них лично не участвуя...

Все это однозначно свидетельствует о том, что как в февральских, так и в последующих событиях Л.Корнилов не только не препятствовал крушению армии и государства, но и активно в них участвовал. И его отчаянное положение в добровольческом движении (армией это при всем желании назвать невозможно), явилось прямым следствием его предшествующих действий...

Эту казусную ситуацию не мог не постичь М.Шолохов, отказавшись от этого сюжета, как не содержащего исторической и эпической значимости. В корниловском движении он не нашел народных начал и обратился к казачеству, его укладу и его судьбе, то есть обратился к народным началам российской жизни.

Почему же наши последующие писатели до сих пор не постигли того, что прозрел и изобразил М.Шолохов в «Тихом Доне» и продолжают, и столько лет спустя, выставлять лидеров Белого движения «русскими витязями»? Видимо, потому, что к этому времени сформировалась и преобладала особая генерация «советских писателей», как правило, ортодоксальных. Причем, «советскими», то есть ортодоксальными оказались не только те, кто утверждал «соцреалистичность», но и те, кто ее отрицал и всячески от нее открещивался.

В картине сна генерала Корнилова, бабочки летящей на огонь в «Тихом Доне», Михаил Шолохов безусловно дал оценку и генералу

Корнилову, и возглавляемому им делу. Но не декларативную, а образную, как и должно в произведении художественном. И эта оценка оказалась таковой, что в генерале Л.Г.Корнилове трудно при всем желании усмотреть действительного спасителя России.

Г.Москва –
станция Старонижестеблиевская
Краснодарского края

Петр ТКАЧЕНКО.

Edebi makalalar